

УЧАСТИЕ Г.С. БАТЕНЬКОВА В ЛОЖАХ «ВОЛЬНЫХ КАМЕНЩИКОВ» И ЕГО ПОНИМАНИЕ МАСОНСКИХ ИДЕАЛОВ

В статье раскрываются масонские взгляды Г.С. Батенькова, показана его деятельность по становлению и развитию первой в Сибири масонской ложи «Восточное светило на востоке Томска». Законодательная работа его ученика М.М. Сперанского по реформированию края рассматривается с точки зрения масонского миропонимания.

Для набожного, восприимчивого, чуткого к гуманистическим идеям Г.С. Батенькова вовлечение в масонство было неизбежным. В той или иной мере влияние масонства испытали почти все мыслители, общественные деятели александровского времени. Но мало кто, подобно Г.С. Батенькову, сохранил приверженность к масонской концепции и символике до конца дней. «Его масонство, – отмечал С.Н. Чернов, – было, в отличие от масонских увлечений и искательств многих, глубоким и искренним состоянием души» [1. С. 60]. В этом нетрудно убедиться, ознакомившись с сочинениями и письмами Г.С. Батенькова, рассмотрев особенности мировоззрения. Глубокая его связь с масонством, позволившая откликнуться на просьбу профессора С.В. Ешевского и оставить незадолго до смерти «масонские воспоминания», была очевидна для А.Н. Пыпина. Назвав воспоминания «любопытным историческим документом», он подчеркивал, что масонство «до последнего времени сохранило» для Г.С. Батенькова «свой таинственный авторитет». И указывал, что декабрист хоть несколько «преувеличивал значение и содержание» масонства», но, тем не менее, точно отразил «понятия», служившие «нравственным руководством» для адептов учения [2. С. 460].

Опираясь на мнение А.Н. Пыпина, и И.И. Ореус в конце XIX в. признавал закономерность и сложность масонских увлечений декабриста, «с его пылким воображением и деятельным умом» [3. С. 308.] Но для исследователей более позднего времени связь Г.С. Батенькова с масонством утратила значение, не принималась во внимание, хотя важность ее не подлежит сомнению. Во многих работах, где высвечивалась оригинальная фигура Г.С. Батенькова, «Масонские воспоминания» приводились вне связи с особенностями его мировоззрения, а «сами по себе», как любопытный документ эпохи. Мало останавливался на масонстве Г.С. Батенькова и автор самой обстоятельной о нем работы В.Г. Карцов, полагавший, что эта сторона его биографии для характеристики взглядов не имела особого значения. Соглашаясь, что «масонство наложило печать на мирозерцание Батенькова, отразилось не только на его психике, но и на манере изъяснения» [4. С. 27], В.Г. Карцов не считал нужным проводить нити от масонства к общественно-политическим и философским взглядам Г.С. Батенькова. И в этом обнаруживал связь с традицией осмысления масонства, восходящей к В.И. Семевскому, который обрушивался на политический консерватизм «вольных каменщиков», сохранявших лояльность к государственной власти и «полагавших добродетелью» покорность и верность государю и отечеству [5. С. 323–324].

Между тем, если внимательно рассмотреть жизнеописание Г.С. Батенькова, проследить духовное развитие, проанализировать творчество, станет заметной его

нерасторжимая связь с масонством. Идеи, которые он принял в молодости, прочно легли в фундамент мировоззрения и не исчезли, как у других «братьев по ордену», для которых масонство оставалось, в самом деле, модным и безопасным увлечением, а окрепли и воплотились в поступках, статьях и поэзии, ибо соответствовали его философско-религиозным представлениям, были выстраданы, а не приняты слепо и бездумно. Имя Г.С. Батенькова включено во многие словари и справочники по русскому масонству, его называют в числе деятелей петербургской ложи «Избранного Михаила», куда он вступил в 1816 г. Но масоном он стал раньше, во время заграничных походов. Хотя для молодых офицеров, жадно впитывавших европейские идеи и стремящихся выработать собственное видение мира, «военное масонство» не представляло значительный этап биографии. Такие ложи появлялись, главным образом, «по постоянному духу подражания, и чтоб не слыть варварами в глазах Европы» [6. С. 403], влияние их на русских дворян не следует переоценивать.

В то же время некоторые могли испытать влияние масонства, оказавшись в сложных ситуациях. Так вышло с Г.С. Батеньковым, который масонскому братству в буквальном смысле обязан был жизнью. «В одном из сражений... я, потерпевший многие раны... был неприятельскими солдатами раздет до рубашки, – вспоминал он. – Вслед за ними явились верхом два офицера французской гвардии... покрыли плащом убитого солдата и на своих руках донесли до шоссе... Там сдали на фуры... и строго приказали отвезти в госпиталь ближайшего города... Впоследствии я узнал, что обязан спасением положению своей руки, которою покрывал одну из главных ран случайно в виде масонского знака» [7. С. 276]. В.И. Семевский, осуждая масонов, которые называли «братьями» лишь друзей по тайному ордену, был вынужден добавить, что они «проповедовали, впрочем, гуманность и любовь ко всем людям вообще... гуманное отношение к слугам» [5. С. 334]. Занимались просветительской деятельностью, большое внимание уделяли благотворительности. Таковую работу по «распространению блага» вела и петербургская ложа «Избранного Михаила», куда после войны вступил Г.С. Батеньков. Нуждавшихся, которые «по своему положению не могут протягивать руку за милостыней, а терпят крайнюю нужду», полагалось отыскивать и оказывать им пособие, «осведомясь подробно о нравственности... и нуждах таковых» [8. С. 100–101]. Впрочем, масоны обращали внимание и на тех, чье положение позволяло просить милостыню.

Подобные нравственные установки были созвучны Г.С. Батенькову, который, всматриваясь в окружающий мир, искал место приложения сил, соответствовали его представлениям о поведении «доброго христианина», открывали возможность для участия в человеколюбии

вых начинаниях. Именно тогда, а не в пору военных походов и сражений, как полагал О.П. Ведьмин [9. С. 65], масонские взгляды стали частью его мировоззрения. Среди соратников Г.С. Батенькова по масонской ложе мы видим людей, составлявших духовную элиту Петербурга: поэтов пушкинского круга А.А. Дельвига и В.К. Кюхельбекера, художника Ф.П. Толстого, писателя М.Н. Загоскина. В ложу «Избранного Михаила» входили будущие декабристы Ф.П. Шаховской, Н.А. Бестужев, Ф.Н. Глинка и другие. К тому времени масонство в России действовало широко и активно, не опасаясь преследований, с формального разрешения правительства. Среди причин, побудивших пойти на это императора, А.Н. Пыпин называл человеколюбивый настрой масонства, который «способствовал исправлению нравов» и, будучи под контролем верховной власти, «препятствовал возникновению других тайных обществ» [10. С. 381]. Хотя масонство той поры было не однородным, внутри него появлялись и радикальные течения. «Масонство этих времен сохраняло много связей с прежним», и все же «молодые масоны искали новые пути и формы существования ордена – в новом поколении стали действовать новые влияния» [11. С. 766].

Великая ложа «Астреи», в союзе с которой действовала ложа «Избранного Михаила», испытала воздействие свежих идей и приняла «немецкую систему» работы, систему Шрёдера. Большое влияние на масонов «Астреи» оказали работы Игнатия Фесслера, чьи «мистическо-нравственные» сочинения были хорошо известны в России. Видный теоретик масонства, И.А. Фесслер вносил в него «либеральную религиозность и мораль, отвергал высшие степени в масонстве» [11. С. 771]. Под влиянием его «масонского идеализма» находился М.М. Сперанский, на духовные поиски которого обращали внимание исследователи. В круг чтения сановника входили, кроме того, сочинения Бёма, Сведенборга, Сен-Мартена. Воздействие этих философов испытали многие масоны, пытавшиеся совместить свободомыслие с религиозностью и мистицизмом. Великая ложа «Астреи» не отвергала возможность подобных поисков, давала более широкий простор для разномыслия, нежели масонские ложи «старой школы», культивировала интерес к проблемам нравственного развития, была более демократична, отвергая принцип элитарности лож. И этим в значительной мере объяснялось влияние «Астреи». Ложа «Избранного Михаила», основанная 18 сентября 1815 г., числилась под номером пять. Но уже через полтора года в «Союзе Астреи» действовало 12 масонских лож, и число их продолжало расти. В списке 1819 г. указаны 23 масонские ложи, некоторые из них появились на значительном удалении от столицы.

Крепла и росла влиятельная петербургская ложа «Избранного Михаила» – в пору расцвета в ней состояло 213 человек. Правда, в число это входили и отсутствующие, среди которых указывался Г.С. Батеньков: сдав экзамены в институте Корпуса инженеров путей сообщения, в ноябре 1816 г. он получил назначение на службу в Сибирь. И там принял деятельное участие в появлении первой сибирской ложи. Благодаря его энтузиазму и связям, 30 августа 1818 г. была основана ложа «Восточное Светило на Востоке Томска». Надо заметить, что прекраснотушны́е мечты, с которыми

Г.С. Батеньков прибыл на службу в Сибирский округ путей сообщения, оказались в столкновении с жестокой «прозой жизни». В обстановке несправедливости, корыстолюбия, непрерывных интриг со стороны чиновников томской администрации духовные ценности и идеалы Г.С. Батенькова подверглись серьезному испытанию. Сохранить свою сущность, не поддаться на искушение стать «как все», не принориться к господствующим правилам жизни было сложно. И в этой ситуации «нравственного экзамена», который оказался тяжелее испытаний при поступлении в Инженерный институт, важно было вернуться к масонскому учению, переосмыслить его, а заодно и собственное видение мира.

Г.С. Батеньков не спешит давать жестких оценок, осуждать новое окружение, погрязшее в мелких заботах, выступать с позиции умудренного высшим знанием человека, смотрящего свысока на людские пороки. Он обращает взор на себя, обдумывает свои поступки, ищет сходную условиям «модель» поведения, которая позволила бы оставаться собой, не вступая в конфликт с обществом, хоть оно постоянно провоцирует столкновения. И делает это опираясь на масонские понимание мироустройства, не отступая от масонских установок, которые стали частью его взглядов, но оставались при этом некими «нравственными формулами», элементами этико-философского учения. Теперь, чтобы быть последовательным, «формулы» эти предстояло проверить на практике, сделать частью личного опыта. Там, где другой, разочаровавшись в масонстве, подверг бы критической переоценке основные его положения, Г.С. Батеньков переоценивает свои подходы и взгляды. Он не отрекается от «масонских иллюзий», а укрепляет масонство, создавая новую ложу. И не в просвещенной столице, а в сибирской глуши, где необразованность, отсталость, духовная и культурная неразвитость, казалось бы, не давали и почвы для «братского ордена». Зато были люди, нуждавшиеся в помощи, и социальные проблемы, общие для всех российских провинций. Были и те, кто хотя бы отчасти признавал эти проблемы и, побуждаемый чувством долга, ответственности или честолюбием, готов был к филантропическим шагам.

Сошлись внешние и внутренние условия для создания масонской ложи, потребность в духовном совершенствовании отдельных представителей местного общества совпала с возможностью, которую открывали масонские связи Г.С. Батенькова. Оставалось придать этим устремлениям законченный вид, облечь благие порывы в формы допустимого законом общества, заменить «романтическое» многословие четким уставом в духе действующих лож «вольных каменщиков». Так была создана первая в Сибири масонская ложа «Восточное Светило», собрания которой проходили на квартире полковника И.Х. Трейблота, командующего томским гарнизоном, а затем за городом, на так называемой Шумиловской заимке, в первый и третий четверг каждого месяца. Ложа работала по древнеанглийской системе, входила в Союз директоральной ложи «Астреи» и даже имела, по некоторым сведениям, филиал в Иркутске [12. С. 1119]. Среди членов-основателей ложи показаны «бессменный мастер стула» вице-губернатор Н.П. Горлов, полковник И.Х. фон Трейблот, ветеринарный врач Ф.И. Гони́гман, чиновник И.Г. Ива-

нов, армейский врач И.И. Нимейер и инженер-поручик Г.С. Батеньков. В ложу входили, кроме того, советник губернского суда О.Р. Белюра-Кондратьев, ассессор губернского правления В.М. Кобылин, купцы А.Я. и Х.Я. Поповы, чиновник И.Д. Асташев. Почетными членами «Светила» были избраны граф Ф.П. Толстой, князь А.Я. Лобанов-Ростовский, граф В.В. Мусин-Пушкин-Брюс, известный российский масон И.В. Бебер и поэт В.К. Кюхельбекер.

«Вероятно, томская масонская ложа насчитывала... более или менее значительный круг лиц, – полагал А.В. Адрианов, – только достаточных сведений об этом, а равно и о деятельности ложи мы не находим» [13. С. 37]. Справочник А.И. Серкова, между тем, указывал точное число «братьев» томской ложи: по его данным, «Восточное Светило» объединяло 39 человек [12. С. 1119]. Печать томской ложи была выполнена в виде горящего факела, помещенного в круг и треугольник, на котором, кроме даты основания ложи, значились слова «Восток» и «Свет». Очевидно, эти масонские символы были выбраны не случайно и не без участия петербургского масона Г.С. Батенькова. Равносторонний треугольник считался «символическим изображением Божества», где «троичность... образует лучезарную Дельту с оком внутри нее» [14. С. 105]. Вместо Всевидящего Ока порой изображался другой символ, но внутри треугольника полагалось быть свету, и стороны его желательнее было поместить в круг, означающий «возврат излучения к себе». Вообще, цифра «три» играла у масонов важную роль, знаменуя «троичность» мира. Само масонство, по А.Н. Пыпину, состояло из трех великих принципов: братской любви, помощи и верности, где любовь понималась в христианском духе, как доброе чувство к ближнему, побуждавшее к помощи.

В свою очередь, огонь трактовался, как «один из главных элементов очищения адепта» [14. С. 279], чаще всего был связан с факелом, свечой или солнцем и, в широком смысле, уподоблялся Свету вообще – той высшей философской категории, которая противопоставлялась Мраку. Третьим важнейшим элементом символики томской ложи был «Восток» как направление «духовного Иерусалима», некое «священное пространство, источник света, мудрости и красоты» [14. С. 225]. Слово это в наименовании ложи повторялось дважды, что усиливало, видимо, его значение для самого восточного в России «масонского братства». Большинство томских «братьев», однако, мало заботила философская символика, масонство для них важно было тем, что открывало новые, помимо церковных, пути филантропии. Томскую ложу при всем желании невозможно было ставить в один ряд с петербургской, где продолжал числиться Г.С. Батеньков, равно как и ложу «Избранного Михаила» не вполне уместно сопоставлять с зарубежной. Оставаясь на периферии культурного и образовательного пространства, будучи далека от любомудрия, томская ложа и не пыталась показать себя значимой частью «великого братства». С самого начала она ориентировалась преимущественно на достижение благотворительных целей – при сохранении внешней, обрядовой стороны масонства, не имеющей особого значения для прагматичных, трезвомыслящих, не слишком благочестивых сибиряков.

И Г.С. Батенькова внешняя сторона масонства вряд ли по-настоящему увлекала. Нет оснований говорить, что «таинство масонского обряда поразило впечатлительного... Батенькова», как в детстве поразили и напугали его церковные образы и «таинственность темного тобольского храма» [4. С. 28]. Хотя масонской клятве он придавал важное значение, сохраняя верность ей до конца жизни. Ведь, давая присягу, масон обязывался «сохранять величайшую молчаливость» не только перед «братьями», но и пред самим «вездесущим триединым Богом». Он клялся «состоять в неразрывной верности к Ордену» и, что особенно важно, «жить собственно Творцу», по его заповедям, «упражняя себя в страхе Божиим» [15. С. 173]. Нарушить такое обещание для набожного Г.С. Батенькова было невыносимо. Вот почему, поддавшись уговорам С.В. Ешевского оставить «масонские воспоминания», он писал их, адресуя «в близкие дружеские руки», и вместо себя вывел некоего опытного в масонстве друга. Комментируя это признание, А.Н. Пыпин подчеркивал «фиктивность ссылки», которую декабрист «употребил... чтобы не являться самому рассказчиком того, что по его старинным обязательствам, должно было быть им хранимо как тайна» [7. С. 270]. Но была и другая причина, заставлявшая держаться в тени: для настоящего масона участие в ложе и внутренняя духовная работа уходили на второй план, более важным казалось практическое воплощение человеколюбивых идей, «распространение Света». На это обращал внимание Ю.М. Лотман, показывая масонов «людьми действия», которые называли собрания работой.

Нельзя при этом забывать, что Г.С. Батеньков, при всей расположенности к философскому осмыслению мира и самопознанию, оставался инженером. Но для него было важно, преобразовывая действительность, «строить» свой внутренний мир, преобразовывать духовное начало и помогать это делать другим, совершенствовать мир вокруг себя. Стремиться к тому, чтобы исчезли нужда и несправедливость, бездуховность и невежество. Отдавая много времени строительству и архитектуре, Г.С. Батеньков не забывал, что в понимании масонов «архитектура» имела особый, глубокий смысл. «Вольные каменщики» высоко чтит «память строителей и зодчих старинных храмов» [14. С. 215], особое значение приобретали для них такие символы, как молоток и булыжник, а образ Великого Архитектора вырастал до «центральной фигуры обрядности». У масонов «все движения должны были иметь геометрическую правильность», вспоминал Г.С. Батеньков, а «символом ученика» являлся «грубый булыжный камень, и упражнение его должно <было> состоять в отвердении, чтобы быть годным в здание храма, посвященного вечному, духовному Существо» [16. С. 272]. Дабы булыжник перестал быть грубым, его надлежало обработать с помощью молота, «отсечь всё, что мешает духовной работе и совершенствованию» [10. С. 60]. Но совершенствовать себя было мало, эта задача, при всей ее важности, не мешала практической работе, направленной на достижение гуманистических целей. «Для западного просветителя, – указывал Ю.М. Лотман, – основной задачей было сформулировать истину, для русского – найти пути ее осуществления. Это придава-

ло русскому Просвещению специфическую окраску: соединение практического ума и утопизма» [17. С. 256].

Что же касается томских масонов, для них практическая часть масонской программы не просто выступала на первое место, а оставалась почти единственно важной. Томские «каменщики» собирали пожертвования, в частности, «на предмет воспитания неимущих луфтонов», т.е. масонских детей. Для этого требовалось ежегодно вносить в Великую Ложу 50 руб., что и было исполнено в первый год незамедлительно. Затем возникли проблемы: на циркуляр директоральной ложи о новых благотворительных взносах «Восточное Светило» ответило, что «члены томской ложи вообще недостаточного состояния, как и все, вступающие в братство на здешнем востоке». Поскольку «восточная» ложа больше чем наполовину состояла из небогатых чиновников, «имевших единственное содержание от небольших годовых окладов», недопустимо было увеличивать взносы и требовать своевременной выплаты «иоанновских червонцев». А «для исполнения циркуляра» следовало делать «единовременные подписки, где каждый мог бы участвовать по своим обстоятельствам» [7. С. 278–279].

Обстоятельства не позволяли томским «каменщикам» в практической работе уподобиться «братьям» из других, состоятельных, лож. Материальных и властных возможностей у них было меньше, хотя благодаря вице-губернатору Н.П. Горлову, вставшему во главе местной ложи, даже при тех скудных средствах деятельность «Восточного Светила» обрела практическую значимость, а не ограничивалась благими порывами. Авторитет Н.П. Горлова и его полномочия помогли поставить работу масонской ложи на такой уровень, который, по видимому, вообще был возможен при тех обстоятельствах. Г.С. Батенькову же, секретарю ложи, отводилась особая роль, с его помощью томские «братья» установили и поддерживали отношения с Великой Ложей «Астреи» через петербургского «наместного представителя» Н.И. Кусова. Некоторые письма, адресованные ему томичами, цитировал А.Н. Пыпин: в одном из писем, отправленном после отъезда Г.С. Батенькова, содержится откровенная жалоба. И.Х. фон Трейблют сетовал, что не имеет из Петербурга новых сведений и указаний, какое молчание «производит в некоторых удивление и даже унылость», просил доставить «самые необходимые» сведения как можно скорее [7. С. 279]. Через три месяца просьба повторилась, и вновь, как можно догадаться, столичные «братья» остались безучастными. Лишь после того как Н.П. Горлов, состоявший в ряду почетных членов «Избранного Михаила», стал почетным членом директоральной ложи «Астреи», на томских «каменщиков», видимо, обратили внимание. Но к тому времени, к середине 1821 г., работа «Восточного Светила» уже не была отмечена заметными результатами, и сама ложа существовала, по всей видимости, больше номинально.

Г.С. Батеньков, «один из достойных членов ложи», оказавшись в свите М.М. Сперанского, жил тогда в Петербурге. И при желании мог, видимо, содействовать укреплению масонских связей, помогать томской ложе из столицы, но делать это не спешил. Новые возможности реализовать человеколюбивые устремления

уже на государственном уровне заставили его иначе взглянуть на слабые потуги томских масонов воплотить сокровенные замыслы и оказать широкую действительную помощь нуждавшимся. Увлеченный законодательной работой, Г.С. Батеньков, насколько можно судить, охладевает к ложам, которые во многом не оправдали надежд. Но не порывает с масонством, а направляет энергию в другое русло, которое и с масонской точки зрения видится более значимым, позволяя полнее реализовать добрые цели. Здесь следует указать, что причастность к масонским ложам самого М.М. Сперанского достаточно полно изучена. Но даже если б на этот счет не существовало однозначного мнения, мы были бы вправе говорить о родстве его взглядов со взглядами масона Г.С. Батенькова. Знакомая с исполнявшим должность начальника Сибирского округа путей сообщения, генерал-губернатор обратил внимание на его образованность, глубокий ум и знание дела. И в то же время не мог не увидеть в нем романтически настроенного молодого человека, «идеалиста на службе», которого заботят не карьера и денежный интерес, а желание оказать пользу Сибирскому краю и его людям.

Они одинаково верили в «лучшие способности человеческого духа», хотя по-разному понимали пути достижения нравственного развития. Г.С. Батеньков, оставаясь масоном, признавал важным духовное совершенствование, отдавал должное самопознанию и строительству «внутренней церкви». М.М. Сперанский же верил в политическую свободу, которая «быстро воскресит лучшие стороны человеческой природы, пробудит в ней сознание собственного достоинства и даст толчок общественной самодеятельности» [18. С. 21]. Под влиянием реформатора Г.С. Батеньков пришел к мысли об исправлении нравов с помощью «добрых законов», приблизившись к М.М. Сперанскому в понимании политических рычагов. Но не отказывался от признания важности внутренней работы, духовного роста, образования. М.М. Сперанский тоже отдавал должное духовной работе, однако, рассуждая о нравственных качествах, писал: «Когда говорят о человеке, что он делает добро по чувству, а не размышлению, что он расположен к добру природою... разумеют доброго человека без начал, без правил» [19. С. 128]. Отсюда следует: лишь осознанный, продуманный поступок способен вызвать удовлетворение и положительную оценку, движения сердца ненадежны и переменчивы. «То, что называется сердцем, есть нравственное чувство добра и зла, есть природа, привычка первого воспитания», – утверждал М.М. Сперанский. А воспитание наше, увы, бессистемно и далеко от совершенства.

Для Г.С. Батенькова такая трактовка «рассудочного» идеала, «разумного» добра была неприемлема. Разум способен оправдать любые поступки, обосновать необходимость любого нравственного компромисса, а движение сердца, основанное на христианской вере, и состояние души, подчиненной человеколюбию, позволят сохранить своё «я» при всех обстоятельствах, творить добро, не задумываясь о его природе. Впечатлительный и чувствительный в молодости Г.С. Батеньков не укладывался в «схему» государственно мыслящего политика – эти его качества вряд ли могли понравиться М.М. Сперанскому,

который называл такого человека «машинной, не сознающей хода собственных своих колес», полагая «навык к добру» скоротечным и не столь основательным, как «разумное» добросердечие [19. С. 129]. Но непреложность добра они понимали сходным образом. Вообще, сопоставление взглядов дает обнаружить, что сходства в понимании нравственного идеала и совершенного общества, на самом деле, было больше, чем различий. М.М. Сперанскому вовсе не требовалось удостовериться в масонской принадлежности Г.С. Батенькова, чтобы приблизить к себе и поручить исполнение важной работы, как полагали многие исследователи. В частности, О.П. Ведьмин, сообщавший, что декабрист «рассматривал масонство как модное течение» и «надеялся найти в масонских кругах влиятельных покровителей, которые могли бы обеспечить ему успешное продвижение по служебной лестнице» [9. С. 65]. В действительности же Г.С. Батеньков, показав себя на службе толковым, исполнительным инженером, мог обеспечить карьеру самостоятельно, что и доказал на деле, встав во главе Сибирского округа, успешно проводя многие проекты и заслужив от начальства массу похвал и лестных рекомендаций.

Говорить о «масонской подоплке» дальнейшей его работы под началом М.М. Сперанского можно лишь с той оговоркой, что цели реформаторской деятельности не противоречили добрым, гуманным, подлинно масонским ориентирам социального развития и нравственного совершенствования, вытекавшим из программы сибирских реформ. Человеколюбивые устремления М.М. Сперанского и ближайших его помощников, в этом смысле, допустимо рассматривать с позиции масонского миропонимания. Поддержка Библейского общества в Тобольске, основание Томского Благотворительного общества, открытие ланкастерской школы в Иркутске, другие шаги соответствовали масонским убеждениям сибирского реформатора, способствовали просвещению, поддержке нуждавшихся, общему «лечению нравов», а следовательно, в какой-то степени и успешному выполнению возложенной на М.М. Сперанского миссии по преобразованию края. Наиболее ощутимо эту «масонскую» деятельность генерал-губернатора почувствовали жители Иркутска, где он расположился со своей канцелярией. Но и томичей видный сановник не обошел вниманием: архивные данные позволяют говорить о том, что томское «Благотворительное общество для снабжения бедных, требующих сострадания и благотворительных пособий к жизни», появилось в 1819 г. [20. Л. 7], когда город посетил М.М. Сперанский. Сострадание не было чуждо жителям губернского центра и прежде, но все же такого размаха, как при нем, широкая благотворительность в Томске не достигала. Начиная с 1819 г., многие томичи – обедневшие чиновники, офицерские вдовы, люди, пострадавшие от пожара, больные и увечные – получали единовременное денежное пособие за счет пожертвований Благотворительного общества [20. Л. 7–18]. Но свидетельств того, что Г.С. Батеньков оказывал вместе с другими благотворительную помощь томичам, не имеется. Разглашать масонские отчисления он, естественно, был не склонен, а в работе Благотворительного общества участвовать не мог, поскольку в конце лета 1819 г. по приглашению М.М. Сперанского выехал из Томска.

Зато есть основания говорить о его просветительской деятельности в Иркутске, которая тоже укладывалась в

рамки масонских предписаний. Ложа «Избранного Михаила» прилагала немалые усилия для устройства «первой примерной школы по образцу Джозефа Ланкастера», методика которого была чрезвычайно популярна. Признавая необходимость просвещения среди всех без исключения сословий, М.М. Сперанский в мае 1820 г. основал при Иркутском военно-сиротском отделении «школу по методу взаимного обучения». Она стала действовать, как указывал Г.С. Батеньков, «при особенном попечении здешнего коменданта г-на полковника Цейдлера и внимании Сибирского генерал-губернатора» [21. Л. 32]. Преподавали там чтение, письмо и арифметику, что, по мнению Г.С. Батенькова, было недостаточно. Он предложил давать ученикам еще и «геометрические познания», для чего составил специальные таблицы, которые «вошли в употребление и показали успех», не оставшийся без внимания М.М. Сперанского [21. Л. 32]. Генерал-губернатор счел даже нужным отослать таблицы в Петербургское Общество для учреждения училищ по методу взаимного обучения и в Министерство народного просвещения. И что характерно, о преподавании геометрии в Иркутске поставил в известность графа Ф.П. Толстого, известного художника, почетного члена томской ложи. Сообщив, что Г.С. Батеньков разработал особые таблицы, генерал-губернатор препроводил их Ф.П. Толстому и указал, что сей опыт «послужит доказательством, сколь искренно и усердно» следуют в Сибири «добрым примерам» и желают «содействовать в трудных путях общего образования» [22. С. 243].

И все же главное дело, ради которого генерал-губернатор Сибири вовлек в свою свиту молодого способного инженера, состояло в другом. Надлежало осуществить сложнейшую законотворческую работу: собрать и обработать статистические данные, а затем, опираясь на них, выработать комплекс продуманных и увязанных с особенностями края законопроектов по преобразованию восточных губерний. И Г.С. Батенькову в этой работе, которая открывала широкий простор для «добролюбивых» масонских устремлений, отводилась особая роль. Это была задача государственной важности, которая соответствовала желанию правительства установить порядок в отдаленных от центра губерниях и была поручена наместнику императора, бывшему «вольному каменщику». Не только М.М. Сперанский, но и другие масоны, оставаясь на государственной службе, стремились реализовать высокие гуманистические убеждения, пусть даже вне прямой связи с масонскими ложами. Поэтому нельзя согласиться, что масонство было бесполезно и что «приходится отрицать за ним какое-либо общественное значение» [23. С. 190]. Поиски истины и света, работа над созданием «храма внутренней жизни», стремление к нравственному возрождению личности, полагали некоторые, «заставляли мириться с существующим строем», способствовали формированию пассивной позиции [23. С. 190]. Только порвав с масонством, делался вывод, можно было добиться общественно значимых результатов.

В ряде случаев так оно, в общем, и было, но Г.С. Батеньков занимался законотворчеством, оставаясь масоном, членом ложи «Восточного Светила» третьей степени, и по-прежнему входил в петербургскую ложу «Избранного Михаила». Что не мешало ему проявить свои лучшие способности и оставить заметный след в истории реформирования Сибирского края.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Чернов С.Н.* Вступительные замечания к мемуарам Г.С. Батенькова // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов / Под общей редакцией Ю.Г. Оксмана. М.: Изд-во Вsesоюзного общества политкаторжан, 1933. Т. II. С. 55–87.
2. *Пытин А.Н.* Массонские воспоминания Батенькова // Русское масонство XVIII и первой четверти XIX века. Пб.: Огни, 1916. С. 458–472.
3. *Ореус И.И.* Гавриил Степанович Батеньков // Русская старина. 1889. Т. 63. С. 301–362.
4. *Карцов В.Г.* Декабрист Батеньков. Новосибирск, 1965. 227 с.
5. *Семевский В.И.* Политические и общественные идеи декабристов. СПб.: Тип. Первой Петербургской трудовой артели, 1909. 694 с.
6. *Из записок Ф.Я. Мирковича* // Русский архив. 1890. № 3. С. 402–404.
7. *Пытин А.Н.* Материалы для истории масонских лож // Вестник Европы. 1872. Кн. VII. С. 268–280.
8. *Пичурин Л.Ф.* Толстого кистью чудотворной. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное изд-во, 1980. 156 с.
9. *Ведьмин О.П.* Массон Северного общества. Гавриил Батеньков: вольный каменщик и декабрист // Родина. 2002. № 2. С. 64–66.
10. *Пытин А.Н.* Русское масонство XVIII и первой четверти XIX века / Под ред. Г.В. Вернадского. Пб.: Огни, 1916. 571 с.
11. *Пытин А.Н.* Очерки общественного движения при Александре I // Вестник Европы. 1870. Кн. X. С. 731–802.
12. *Серков А.И.* Русское масонство (1731–2000 гг.): Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2001. 1222 с.
13. *Адрианов А.В.* Томская старина. Томск, 1912. 83 с.
14. *Соловьев О.Ф.* Массонство: Словарь-справочник. М.: АГРАФ, 2001. 423 с.
15. *Массонские бумаги Телесницкого* // Дубровин Н. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (1807–1829 гг.). СПб., 1883. С. 308–319.
16. *Батеньков Г.С.* Массонские воспоминания // Вестник Европы. 1872. Кн. VII. С. 268–280.
17. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русских дворян (XVIII – начало XIX в.). СПб.: Искусство-СПб, 1994. 339 с.
18. *Довнар-Запольский М.В.* Политические идеалы М.М. Сперанского. М.: Изд-во Т-ва И.Д. Сытина «Современная библиотека», 1905. 72 с.
19. *Сперанский М.М.* Дружеские письма П.Г. Массальскому, писанные с 1798 по 1819 г., с историческими пояснениями, составленными К. Массальским, и некоторые сочинения первой молодости. СПб.: Тип. Второго отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1862. 16 с.
20. *Книга прихода и расхода средств пожертвований от Благотворительного общества для снабжения бедных, требующих сострадания и благотворительных пособий к жизни* // Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 127. Оп. 2. Д. 245. Л. 7–18.
21. *Письмо Г.С. Батенькова начальнику X округа путей сообщения Ф.Ф. Риддеру* // Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 188. Л. 32–32 об.
22. *Дмитриев-Мамонов А.И.* Декабристы в Западной Сибири. СПб., 1905. 261 с.
23. *Мельгунов С.П.* Правительство и общество после войны // Отечественная война и русское общество 1812–1912 гг. М.: Изд-во Т-ва И.Д. Сытина, 1912. С. 151–235.

Статья представлена кафедрой истории и документоведения исторического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Исторические науки» 2 ноября 2004 г.